

Семипалатинскъ 21 Августа 1855 г.

Добрый другъ мой, любезный братъ Миша! Вотъ уже очень долгое время, какъ не было отъ тебя ни одной строчки и я, по обыкновенію, начинаю тревожиться и сѣтовать. Видно будетъ такъ, какъ и прошлое лѣто. Другъ ты мой, еслибъ ты только зналъ въ какомъ я здѣсь горькомъ одиночествѣ, то право не томилъ бы меня такъ долго и не потяготился-бы написать мнѣ хоть нѣсколько строкъ. Знаешь что? Мнѣ приходитъ иногда тяжелая мысль. Мнѣ кажется, что время мало по малу <В рукописи: малу по малу – ред.> беретъ свое; старая привязанность слабѣетъ и прежнія впечатлѣнія тускнѣютъ и стираются. Мнѣ кажется, что ты начинаешь забывать меня. Иначе чѣмъ-же объяснить такія долгіе сроки между письмами. На меня не пеняй если я самъ, иногда, долго не пишу тебѣ. Но во 1^{хъ}) я всегда пишу чаще, а во 2^{хъ}) клянусь тебѣ иногда бываютъ претяжелыя занятія, устану и – пропущу почту, которая у насъ отходить только одинъ разъ въ недѣлю. Твое дѣло

// л. 3

другое. Если и въ самомъ дѣлѣ н<а>прим<ѣрь> нечего написать, то, покрайней мѣрѣ, хоть что нибудь, хоть двѣ строки. Мнѣ бы не приходила въ голову мысль, что ты оставляешь меня. Милый другъ, прошлый годъ, въ Октябрѣ м<ѣся>цѣ, на мои, подобныя этимъ сѣтованіямъ], ты написалъ мнѣ, что тебѣ очень грустно, очень тяжело было читать ихъ. Дорогой мой Миша! несердись на меня ради Бога, вспомни, что я одинокъ, какъ камень отброшенный; что характеромъ я былъ всегда грустенъ, боленъ и мнителенъ. Сообрази все это и извини меня, если сѣтованія мои неправы, а предположенія глупы; я даже и самъ увѣренъ, что я не правъ. Но ты знаешь, сомнѣніе и съ маковую росинку величиной тяжело. А вѣдь меня некому разувѣрить, кромѣ тебя самаго.

Живъ-ли ты, здоровъ-ли ты? – вотъ вопросы, которыя-таки часто меня мучаютъ. Читаю 4^ю страницу газетъ, – не увижу-ли хоть твоихъ объявленій? Здоровы-ли твои всѣ домашніе? Дай-то Богъ! Я васъ также всѣхъ люблю, какъ и прежде,

// л. 3 об.

а помню такъ, какъ будто и не разлучался. Что твои дѣла? Хорошо-ли идутъ? Это такъ важно! Знаешь-ли, я такъ много думаю о твоихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Неужели-же они не вознаградятъ тебя за все то, что ты бросилъ для нихъ, (литературу, службу, занятія, болѣе сообразныя съ твоимъ характеромъ)? Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ у тебя фабрика, и что-же, есть-ли хоть положительныя надежды на будущее? А между прочимъ время уходитъ, дѣти растутъ, расходы увеличиваются. Ахъ, кабы мнѣ знать это все поподробнѣе.

Что сказать тебѣ о моей жизни? У меня все попрежнему, по старому, и, съ послѣдняго письма моего, почти ничего не перемѣнилось. Живу я тихо. Лѣтомъ служба тяжела, смотрю. Здоровьемъ своимъ не похваюсь, добрый другъ мой. Не совсѣмъ-то оно хорошо. Чѣмъ больше старѣешься, тѣмъ хуже. Если ты думаешь, что во мнѣ, еще есть остатокъ той раздражительной мнительности и подозрѣванія въ себѣ всѣхъ болѣзней, какъ и въ Петербургѣ, то пожалуста разувѣрься, и помину прежняго нѣтъ, также какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и многого другаго прежняго.

// л. 4

Напиши мнѣ ради Бога объ сестрахъ. Какъ живетъ милая Варинька? Всѣ ли здоровы? Я съ нетерпѣніемъ жду отъ нея письма. Ты долженъ часто видѣть Сашу. Напиши мнѣ о ней<.> Какова она, добра-ли она и что за характеръ? Да кстати, поклонись ей и поцалуй ее за меня.

Въ послѣднемъ письмѣ ты писалъ о дѣтяхъ, что Оедя добрый мальчикъ, но небольшихъ способностей и что Машечка не такъ хороша лицомъ, какъ была при мнѣ, ребенкомъ. Но въ такихъ лѣтахъ, мнѣ кажется, трудно замѣтить и то и другое. Напиши мнѣ что нибудь о Колѣ, и въ особенности, не слыхалъ-ли чего о братѣ Андреѣ, и куда теперь писать ему? Онъ мнѣ разъ написалъ, да и замолчалъ. Не хочется мнѣ прерывать съ нимъ переписку.

Пиши ради Бога, дорогой мой, добрый мой, и не оставь меня! Тяжело-таки мнѣ здѣсь, а, главное, грустно. Тоска безвыходная и всегдашняя. Прощай, обнимаю тебя! Поклонись отъ меня Эмилиі Оедоровнѣ. Пожелай ей всего добраго, хорошаго. Я отъ души ей этого желаю. Я ее помню и хорошо помню. Боже мой! гдѣ все прежнее и куда ушла жизнь! Прощай другъ мой. Твой всегдашній

Оедоръ Достоевскій

// л. 4 об.